

Шэнь Тао

ИЕРОГЛИФЫ СМЕРТИ

Москва

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Coe)- 44
Ш98

Shen Tao

THE POET EMPRESS

Copyright © 2025 by Storygoose, LLC
All rights reserved

Перевод с английского языка *Гавронской Александры*

Иллюстрация на переплете *RICO HAKARI*

Шэнь, Тао.

Ш98 Иероглифы смерти / Шэнь Тао ; [перевод с английского А. В. Гавронской]. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с.

ISBN 978-5-04-243348-1

В мире, полном жестокости, даже иероглиф — смертельное оружие.

Деревенская девушка Инь Вэй становится наложницей, чтобы спасти любимого младшего брата от голодной смерти. Но в императорском дворце нет места слабости: здесь насилие возведено в абсолют, а жизнь стоит дешевле шелка. Против зависти других наложниц, интриг императрицы и жестокости принца Тэрэна у Инь Вэй нет никакого оружия, кроме смекалки и запретной магии слов.

Уверенные росчерки кисти способны отнять жизнь, цепочка иероглифов — помешать тирану прийти к власти. Чтобы изменить будущее, Инь Вэй должна изучить сердце безжалостного принца. Узнать его так же хорошо, как знает саму себя. А потом принять решение, заслуживает ли этот человек смерти.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Coe)- 44

ISBN 978-5-04-243348-1

© Гавронская А., перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Моим родным, далёким и близким

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Благодарю вас за выбор книги «Иероглифы смерти» — для меня эта история очень важна и ценна. Пожалуйста, примите во внимание, что в романе описаны физическое и сексуализованное насилие, а также жестокое обращение с несовершеннолетними и пытки; сцены злоупотребления алкоголем, а также эпизоды насилия со стороны партнёра. Читателям, чувствительным к подобным темам, рекомендуется проявить осторожность.

ГЛАВА 1

ПЛОДЫ ИЗ НИОТКУДА

Дом Азалий, где шип встречается бутон;
Брат предаёт брата, кровь забывает кровь.

*Неизвестный маг-словотворец,
династия Азалий, 607 год*

Моя сестра Фэйяньцао — Живокость — стала пятым ребёнком, которого мы похоронили.

Стоял холодный, туманный рассвет. Мы с Ма поднимались на холм за деревней — к Предкам. С собой у нас были только благовония и бамбуковый гробик — такой маленький, что я могла нести его подмышкой.

В пятый раз было легче всего. Она пробыла с нами совсем недолго, всего три дня. Вчера, когда крошечная грудка Живокости перестала вздыматься на вдохе, Ма заплакала, но я в глубине души подозревала, что она оплакивала не дочь, а те лишние чашки риса, что съела во время беременности, — пропитание, потраченное теперь впустую.

Отец и вовсе не плакал. По-моему, он заплакал бы, только если бы Живокость родилась мальчиком.

Мой брат Бао был ещё достаточно мал, чтобы верить, будто умершие девочки в следующей жизни становятся котятками. А котят он любил и потому тоже не плакал.

Так и вышло, что из семьи больше всех по Живокости горевала я, пусть и не так сильно, как в прошлые разы. Когда мы опустили гробик на ложе из маков на самой

вершине холма, я разрыдалась. Стоя на коленях на сырой земле рядом с последним пристанищем сестрёнки, я вспоминала, какое прозвище уже успела дать ей про себя: Живчик. В эти три дня я представляла, как мы с ней бегаем друг за другом по иссыхающим рисовым террасам, и её залиvistый смех, когда я покажу ей лучшие места для ловли сомов. Я думала заплетать ей косы — как и положено старшим сёстрам, — пока мы будем шептаться и хихикать, обсуждая деревенских парней.

Мы зажгли благовония. Я поцеловала холодное дерево. Попросила Предков забрать Живокость туда, где она никогда не будет знать голода.

В иное место или иное время.

Я просила Предков позволить ей родиться заново раньше: когда династия Азалий ещё не пришла в упадок и на троне не сидел умирающий император. Просила вернуть её в то время, когда нами ещё правили добрые люди и новорождённые дети не умирали от голода, причины которого никто не знал.

В более ранние времена — или в более поздние. Когда и династия, и император, и троны, и голод обратятся далёким воспоминанием. Я бы хотела, чтобы Живокость родилась именно тогда — в эпоху, когда все дети смогут учиться грамоте, даже бедные, даже девочки.

Земля приняла её быстро. Мы с Ма молча наблюдали, как усики лиан змейками поднимаются из почвы и обвивают гробик. На бамбуке распустились маленькие белые цветы, а в вышине, в кронах деревьев, запел соловей. Пусть наша страна отвернулась от таких, как мы, но Предки оставались с нами.

На Новый год мяса на столе не было. Каждому досталось лишь по полчашки рисовой каши сверх обычного — Бао, поскольку он рос, получил целую, — а также вволю сущё-

ных побегов бамбука и пряной редьки. Мы с Бао ещё получили по две сушёные сливы от отца: он выменял их на яйца у соседа, дяди Хуэя.

После обеда Бао подёргал меня за подол, пока я мыла посуду:

— Отведи меня в город! Я хочу Благословение! Пожальства, я очень хочу!

Я улыбнулась и взъерошила ему волосы. Брату было всего семь, мне — почти в три раза больше, и с такой разницей в возрасте я была ему почти второй матерью.

— Дорога дальняя, малютка Бао. Если хочешь, мы можем поиграть дома.

Мне слишком хотелось есть, чтобы тратить силы на дорогу до Гуйшаня. Путь занял бы полдня, в это время было бы полезнее раздобыть лишнюю пищу — набрать листьев одуванчика или наловить в рисовых чеках лягушек — или хотя бы отдохнуть. Но это была не единственная причина для отказа. Самое важное — я не хотела, чтобы Бао постигло горькое разочарование.

Говорили, что на Новый год в города должны являться представители дворца и даровать магию простому народу: две-три стихотворные строки, способные сделать поля плодороднее, защитить хижины от гнуса или исцелить ребёнка от серой немочи. Рассказывали, будто один принц из Дома Азалий как-то создал стихом целое озеро в деревне, измученной засухой. Другой — балладой — будто бы проложил дорогу по долине от Дуэрлуна до самой Облачной Пристани.

Но так было в преданиях. Я ходила в Гуйшань каждый Новый год с тех же лет, сколько сейчас Бао, и ни разу не видела членов правящей семьи. Возможно, в ином месте или в иные времена Императорские Дома и раздавали Благословения, но в отношении нашего я давно потеряла надежду.

Но Бао — нет. Он прижался к моему боку, широко распахнув большие тёпло-карие глаза: как знал, что этим растопит моё сердце.

Я вздохнула, поцеловала его в лоб и сказала:

— Хорошо, малютка Бао. Но держись рядом со мной.

Затем взглянула на Ма, безмолвно спрашивая разрешения. Она сидела на бамбуковой циновке и латала штаны Ба.

— Надень чистую рубашку, Вэй, — сказала она, не поднимая взгляда. — И не забывай: надо ходить как городская девушка. Как мы учились.

Я не упустила намёк в её голосе. Каждая мать в деревне мечтала, чтобы её дочь вышла замуж за парня из города.

К тому моменту, как мы почувствовали под истёртыми подошвами, что пыльная тропа сменилась булыжной мостовой Гуйшаня, колени уже ныли. Но стоило нам пройти в ворота, как я заразилась городским оживлением и мигом забыла о голоде и боли.

Хотя тени уже удлиннились, здесь было куда многолюднее, чем у нас в Луани. Под скатами крыш сияли праздничные красные фонарики. На каждом углу торговцы зазывали отведать пельменей, жареных маньтоу или купить трескучие деревянные игрушки. Когда мы вышли на городскую площадь, там было ужасно тесно — негде шагу ступить.

Повсюду пахло хлопушками.

— Алый порох на пути — деве под венец идти! — весело распевал Бао.

Мы пробирались сквозь толпу. Я крепко держала брата за руку и старалась идти так, как учила Ма: уверенно и в то же время скромно. Я пыталась мило улыбаться. Ма первой начала мечтать об этом, но научила мечтать и меня.

Если меня возьмёт в жёны городской парень, возможно, он будет при деньгах. Если он будет при деньгах, нам с Бао

больше не придётся терпеть тупую ноющую боль от голода в животе. Ма будет реже болеть, а Ба перестанет прихрамывать, таская на плечах тяжёлые корзины с рисом. Может быть, у городского мужа даже найдутся лишние деньги, чтобы отправить Бао в школу. А если мой брат пойдёт в школу, он научится читать — и сможет стать кем угодно.

Чиновником, купцом, магом-словотворцем.

Внезапно я осознала, что Бао больше не держит меня за руку. Сердце ёкнуло, я принялась оглядывать переполненную площадь и с облегчением обнаружила его у прилавка, где продавали боярышник в глазури на палочках.

Когда я подошла снова взять брата за руку, то увидела, что в его широко раскрытых глазах стоит тоскливое желание. Но он был сообразительным мальчиком: знал, что у нас нет денег, и не стал даже просить.

— Хочешь сливу? — спросила я его тихим, таинственным шёпотом, уводя от торговца.

Его глаза округлились ещё сильнее.

— А у тебя остались?..

Я одарила его своей самой заговорщицеской улыбкой и вынула из кармана один из сушёных плодов. Я приберегла обе свои сливы для Бао, зная, как он любит сладости.

Бао радостно пискнул и взял угощение. В тот самый миг, когда он надкусил сливу, по городской площади пронёсся гулкий удар гонга.

Все замерли.

Торговцы перестали зазывать покупателей, покупатели — торговаться, прохожие — разговаривать. Ещё один удар гонга вспугнул стаю воробьёв — они взмыли в небо.

А затем раздался голос глашатая:

— Принц Гуань Исан! Приносящий весну, Покровитель пиршеств и третий сын Дома Азалий!

Бао от неожиданности чуть не выронил сливу. У меня заколотилось сердце. Принц Исан?

Казалось, что это сон — нечто случившееся давным-давно в чужих далёких краях. Было уже само по себе неожиданно, что кто-то из Императорского Дома приехал раздавать новогодние Благословения. Но это был не обычный придворный или слуга.

Это был сын самого императора, носитель магической печати.

На лице Бао застыло такое благоговение, будто он только что получил живое доказательство того, что вся магия в мире настоящая и все обещания правдивы. Я сама была настолько потрясена, что даже не задумалась, почему принц не прислал вместо себя слугу, а прибыл в Гуйшань лично.

Толпа расступилась, давая дорогу процессии, и я невольно отошла назад вместе со всеми. Бао начал карабкаться по мне, чтобы было лучше видно, и я помогла ему усесться у себя на плечах. Сама я почти ничего не видела за спинами людей, которые толкались впереди, вытягивая шеи.

Когда процессия наконец показалась, сомнений быть не могло — это они. Все они были облачены в немеркнущий алый цвет, настолько яркий, что он будто сиял на фоне коричневых одежд простолюдинов и серых стен города.

Но выделялись они не только цветом, но и самой жизнью, которую принесли с собой. Плети распускающихся зелёных лоз обвивали их тела вместо украшений, лилии раскрывались на волосах и рукавах, вдоль ножен мечей цвели магнолии.

Я почувствовала, как рука Бао тянет меня за волосы.

— Смотри, сестрёнка, — прошептал он, на миг перестав сосать свою сливу. — Там, сзади. Это он, да?

Вслед за ударом гонга появился закрытый конный экипаж из красного дерева, увитый глицинией и весенним терновником. С каждой стороны его окружали по восемь стражников.

Экипаж остановился на середине площади. Слуга с поклоном протянул руку и отодвинул занавес, и в благоговейной тишине наружу ступил принц Исан.

Не знаю, чего я ожидала. В легендах дети Императорского Дома были прекрасны и доблестны, почтительны к родителям и щедры. И хотя порой я задумывалась, откуда берутся эти легенды и кому выгодно рассказывать их именно так, я тоже знала их все наизусть. Если верить этим историям, принц Исан должен был быть красавцем.

Если же не верить, стоило ожидать, что он окажется уродом. Императорский Дом был обязан защищать народ от голода. Они должны были следить за тем, чтобы младенцы не рождались крошечными и истощёнными и не отправлялись прямиком в могилу. Такие гнилые сердца, как у сыновей Дома Азалий, должны были сказываться и на облике.

Но теперь, увидев принца — действительно увидев его во плоти, — я обнаружила, что не способна сосредоточиться, чтобы оценить его внешность. Всё моё внимание поглотила Печать Дома, сиявшая на его левой щеке. Я могла смотреть только на неё — как, несомненно, и вся остальная площадь.

По внешнему ровному кольцу печати тянулся цветочный узор Дома Азалий. Внутри был начертан единственный иероглиф. Я, конечно, не умела читать, но в Тэньше все знали печати сыновей нашего императора.

— Го, — прошептал стоявший рядом мужчина своей жене. То же слово слитным гулом катилось по толпе. — Слово Предков, означающее «плод».

Словно в подтверждение, Исан поднял руку.

Земля отозвалась мгновенно. Трещины в булыжнике под нашими ногами со стоном разошлись, и из утоптанной пыли начали разворачиваться побеги кустарников и выющихся лоз. Из земли взметнулись кусты еже-